

БОРЬБА

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДА ТОВАРИЩА СТАЛИНА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ АМЕРИКАНСКОГО ГАЗЕТНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ „СКРИППС-ГОВАРД НЬЮСПЕЙПЕРС“ Г-НОМ РОЙ ГОВАРДОМ

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КОНКУРСА НА ЛУЧШИЙ УЧЕБНИК ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПО ЭЛЕМЕНТАРНОМУ КУРСУ ИСТОРИИ СССР (ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК СОЮЗА ССР И ЦК ВКП(б))

ПЕРЕДСЛОВИЕ

ЗА ПРЕОДОЛЕНИЕ ОШИБОК ШКОЛЫ М. Н. ПОКРОВСКОГО

НАРЛ РАДЕН

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА

НАРЛ РАДЕН

НЕДОСТАТКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТА И ОШИБКИ ШКОЛЫ ПОКРОВСКОГО

ПИСЬМО АКАДЕМИКА ПАВЛОВА СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. СИДОРОВА

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВРЕМЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

В. НИРПОТИН

МАРИС, ЭНГЕЛЬС, ЛЕНИН О ДОБРОЛЮБОВЕ

М. ЛУРЬЕ

ЛИКВИДАЦИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО КРОНШТАДТСКОГО МЯТЕЖА

Н. ЦАПОВ

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853—1856 ГГ.

Н. СЕЛЕЗНЕВ

ЦАРСКАЯ АРМИЯ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

Д. ЧЕВЫЧЕЛОВ

АФРИКАНСКАЯ АВАНТЮРА ЦАРИЗМА (1888—1889 ГГ.)

Ф. БЕРГМАН

КЛАРА ЦЕТКИН

БИБЛИОГРАФИЯ

ХРОНИКА

КЛАССОВАЯ

МАРТ
1936

№

3

НЕДОСТАТКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТА И ОШИБКИ ШКОЛЫ ПОКРОВСКОГО

1

Решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по поводу учебников истории имеет громадное значение, выходящее далеко за пределы вопроса об учебниках для наших школ. Затруднения, с которыми пришлось встретиться при составлении этих учебников, вытекают из состояния нашего исторического фронта, из его недостатков. Необходимо осознание недостатков работы на историческом фронте, ибо только тогда можно будет поднять эту работу на необходимую высоту.

Уже тот простой факт, что учебники истории должны охватить весь процесс исторического развития человечества, показать нашей молодежи движущие силы всей истории, поставил перед нашими историками большие задачи. Буржуазные историки, как Карапеев, Виноградов, Виллер или во Франции Лавис, Рамбо, Сеньобос, приступали к писанию учебников после десятилетий работы над историческими монографиями, накопив громадное знание исторических фактов. Наши молодые историки на такое большое «первоначальное накопление» опереться не могли. В период, когда складывались первые шеренги наших молодых историков, приблизительно с 1919 по 1923 год, они ставили себе целью дать рабочей молодежи и нашим пропагандистам общие сведения по истории революций. Историческая продукция этого периода сводится, по существу, к

истории революционных движений. Но эту задачу они выполняли очень своеобразно: концентрируя внимание на периоде непосредственных революционных боев, они отрывали революцию от подготовившей ее предыдущей истории. Вследствие этого не получалось ни конкретной картины развития экономики, классов и государственной организации, состояние которых вызвало революцию, ни конкретной картины результатов самой революции. Получалось абстрактное действие «движущих сил», мертвая схема результатов работы этих сил. Взявшись за самостоятельную разработку истории буржуазных революций, в первую очередь французской революции 1789 года и истории Парижской коммуны, наши молодые историки опирались главным образом на работы Маркса, меньше — на работы Ленина (полное собрание сочинений которого стало выходить лишь после 1920 года и не скоро было ими освоено). Но немалое внимание на них оказывала социал-демократическая литература Запада (особенно Каутский, Куно, Конради).

Когда очередь дошла до составления общих исторических учебников для школы и эту задачу пришлось решать поколению молодых историков, о котором мы говорили, то недостаток накопленного знания толкал их в направлении замены конкретной истории учением об исторических формациях, т. е. общими социологическими рассуждениями, в которые вкраплялись в качестве иллюстраций конкретные факты. Только М. Н. Покровский, историк, сложившийся еще в период перед революцией 1905—1907 годов и непосредственно после нее, опирался в своих работах на громадный исторический материал. Но и он вследствие особенностей своего исторического пути и своего метода — о чём речь будет дальше — не только не боролся против наклонности наших молодых историков к замене изучения фактов общими «социологическими» рассуждениями, но, наоборот, культивировал эту наклонность.

Особое влияние на развитие нашей исторической науки оказал период внутрипартийной борьбы, которая в особенно острой форме развернулась после смерти Ленина. Борьба партии

во главе с товарищем Сталиным против троцкистов, троцкистско-зиновьевского блока, а позже против правых оппортунистов имела громадное положительное влияние на поднятие марксистско-ленинского уровня членов нашей партии, на поднятие уровня их исторических знаний и требований.

Распространяемые в сотнях тысяч экземпляров издание сочинений Ленина и «Об основах ленинизма» Сталина дали широчайшей партийной массе ключ к пониманию Ленина. Изучение ленинских работ показало марксизм в новом свете, бросило новый свет на громадное количество исторических вопросов и могло стать исходным пунктом для нового этапа развития нашей исторической науки.

Но тут отрицательно сказалось то направление, которое дал нашим историкам возглавлявший в то время исторический фронт М. Н. Покровский. Не поняв того, что борьба за генеральную линию партии требует поднятия исторического фронта на новый уровень в освещении всей истории с точки зрения марксизма-ленинизма, Покровский пришел к убеждению, что эта борьба требует сужения фронта, требует только борьбы с уклонами с исторической точки зрения, изучения только наиболее актуальных вопросов в области современной истории, в особенности истории периода империализма и социалистической революции. Но даже когда внутрипартийная борьба касалась исторических вопросов более далекого прошлого, Покровский не сумел удовлетворить потребности в более глубоком изучении истории, которую эта борьба вызывала.

Как известно, Троцкий, обосновывая свою теорию перманентной революции, выступил со взглядами на возникновение царизма, являющимися перефразировкой Ключевского и Милюкова. Правильно отклоняя теорию Троцкого и показывая классовый характер царизма, Покровский сузил задачи историков-марксистов до изучения схем русских дворянских и буржуазных историков. Двухтомник «Русская историческая литература в классовом освещении», изданный под руководством Покровского его учениками, представляет наиболее

ценный результат этого периода, ибо он углубляет такие работы Покровского, как «Борьба классов и русская историческая литература», и разрушает исторические легенды дворянских и буржуазных историков. Разрушение этих легенд остается исторической заслугой М. Н. Покровского.

Но разрушение этих легенд означало только расчистку поля для будущих историков-марксистов, обязанных взяться за детальное изучение конкретного исторического процесса в целом; нужна была детальная разработка русской истории. К этому школа Покровского оказалась неспособной, главным образом из-за так называемой схемы Покровского, т. е. из-за созданной им картины исторического развития России. Картина эта — результат применения метода, в значительной мере являющегося вульгаризацией марксизма, — находилась в противоречии с теми результатами, к которым пришел Ленин, блестящие применяя марксову диалектику к русской истории.

По мере изучения сочинений Ленина это становилось более или менее ясным и ученикам Покровского и самому Покровскому, и эти разрушители исторических легенд стали перед задачей — или радикально разрушить легенду Покровского или бороться среди развалин ее, пытаясь склеить их заново. У М. Н. Покровского и его школы не хватало мужества для радикальной ревизии своих взглядов, для возвращения к Марксу и Ленину, и поэтому начался продолжительный кризис этой школы, наиболее ярким выражением которого была книга С. М. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства феодализма, крепостничества и торгового капитала».

Разрешение спорных вопросов не в ленинском духе, попытки штопания трещин, обнаружившихся в исторической схеме Покровского (смотри его статью «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», журнал «Борьба классов» № 2 за 1931 год), привели к задержке

развития нашей исторической науки. Понятно, что как в предыдущие годы (см. работы по развитию монополистического капитализма в России), так и в последние пять лет на историческом фронте производилась полезная работа (тут надо в первую очередь назвать труды по истории заводов, по истории крестьянского движения). Но общего курса русской истории, соответствующего учению Маркса и Ленина, мы не получили.

В области международной истории руководители исторического фронта повернули к изучению новой истории рабочего движения, к разработке истории оппортунизма и дали ряд ценных исследований. Но именно эта часть исторического фронта стала убежищем троцкистов и полутроцкистов, пытавшихся при помощи замазывания ошибок лево-радикальных элементов во II интернационале, а часто даже с помощью непосредственной фальсификации истории большевизма отнять у большевизма роль единственного последовательного борца против оппортунизма.

Письмо товарища Сталина в 1931 году в журнал «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» положило конец этой троцкистской контрабанде. Но руководители исторического фронта не сумели выполнить задач, поставленных перед ними письмом товарища Сталина. Даже в области истории современного рабочего движения они ограничились набором исторических иллюстраций к положениям товарища Сталина, не умея дать развернутой картины истории I и II интернационалов. Кроме того все их работы страдали отрывом истории рабочего класса от общей истории и особенно от экономической истории. Еще меньше сумели историки-западники организовать изучение истории Запада вообще и особенно империалистического ее периода.

Опыт китайской революции, дискуссия, вызванная ею и связанная с общей борьбой партии против оппозиции, дали толчок дискуссии о так называемом азиатском способе производства и о китайском феодализме. Эта дискуссия вместе с дискуссией о крепостничестве и о роли торго-

вого капитала могла иметь очень плодотворное влияние, могла дать правильную марксистско-ленинскую периодизацию истории, нашупать наиболее слабые участки исторического фронта и дать толчок конкретным исследованиям. Из-за ошибок руководителей исторического фронта этого не получилось. Место конкретного изучения истории заняло сопоставление цитат основоположников марксизма-ленинизма, причем обе дискутирующие стороны, размахивая цитатами, забыли обратиться к изучению фактов. Этот схоластический подход не мог привести к окончательному выяснению вопроса о формациях и разработке определенного плана работ.

Рассматривая конкретно результаты развития исторического фронта, в особенности после смерти Покровского, мы можем дать следующую картину этого фронта: в области пряды с тери и, играющей особо важную роль в марксистском понимании истории человечества, наша историческая наука не дала никакого обобщающего труда, ограничившись рядом отдельных ценных работ, особенно в области археологии. В области древней истории мы также имеем ряд ценных работ (например Тюменева по греческой истории), ряд работ о роли восстания рабов, но у нас еще нет обобщающей марксистской работы, которую можно было бы противопоставить работам Моммзена, Белоха, Майера и Фарреро. В области истории Древнего Востока мы имеем работы крупного ученого, профессора Струве, владеющего громадным материалом, но еще не сумевшего последовательно проработать этот материал с точки зрения марксизма. По древней истории Индии, Китая и Японии у нас нет никаких самостоятельных работ.

Дискуссия о феодализме и крепостничестве, которая кончилась правильным отклонением попытки тов. Дубровского создать новую «крепостническую формацию», не дала, однако, никаких ценных обобщающих работ ни по истории феодализма в России, ни по истории феодализма на Западе и Востоке. Работы по истории крестьянских восстаний Разина и Пугачева, изданный Государственной акаде-

мией материальной культуры сборник «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества» (Москва. 1934 год) надо приветствовать как первые шаги к выполнению этой задачи. К сожалению, наши историки не взялись за разработку истории Золотой орды, крымских татар, за историю Польши и Швеции, без чего невозможно дать историю России; они не отнеслись серьезно к изучению истории народа в СССР.

Что касается истории феодализма на Востоке, то надо указать на работу покойного академика Б. Я. Владимира «Общественный строй монголов» (Ленинград. 1934 год), которая несмотря на ее незаконченность представляет крупный шаг вперед в научной трактовке истории монголов и использовании первоисточников. Надо указать также на работы И. М. Рейсера по истории Индии.

Переходя к истории революций у колыбели капитализма, надо указать на отсутствие марксистской разработки индийской революции и английской революции. Что касается Французской буржуазной революции, то мы имеем работу Фридлянда «Марат», представляющую значительный шаг вперед по сравнению с его предыдущими работами, ряд работ о термидоре, ряд работ по истории промышленности во Франции в период революции и реставрации. Но и по сегодняшний день у нас нет работы, дающей цельное представление о Французской буржуазной революции.

История революционных движений в Англии, Италии, Германии, Австрии в период до 1848 года не разрабатывалась самостоятельно нашими историками. Они не разрабатывали также историю утопического социализма, социалистического движения ремесленников. Особенно приходится сожалеть об отсутствии разработки истории крестьянства в тот период. Важнейшие высказывания Маркса и Энгельса о роли крестьянства в 1848 году нашими историками просто повторяются. Ленинское же освещение этого исторического периода и его стратегических проблем, данное в первую очередь в «Двух тактиках», совсем не

подвергалось разработке на большом историческом материале.

История революции «сверху», столь важная для понимания отношения буржуазии к демократии, для понимания отношения буржуазии к национальному вопросу, для понимания разницы между революционно-демократическим и либерально-соглашательским путями развития, осталась вне внимания наших историков.

Мы не имеем ни марксистской истории воссоединения Италии, Германии, ни марксистской истории национального вопроса в Австрии и на Балканах. Возникновение современного империализма нашими историками конкретно не изучалось. У нас нет истории ни английского, ни французского, ни германского, ни итальянского, ни американского капитализма. Излагая историю рабочего класса в эти периоды, наши историки повторяют формально марксистско-ленинское учение о роли рабочей аристократии и бюрократии как проводника оппортунистической политики, но не могут показать эту роль на фоне анализа положения рабочего класса, существующих в нем прошлых, на фоне анализа особенностей социальной структуры каждой империалистской державы. Поэтому вместо конкретной истории II интернационала по странам они в состоянии дать только общую схему.

Наши историки не дали общей истории империалистической войны.

Научно не разработаны послевоенная история капиталистических стран, колониальных стран, история СССР, история Коминтерна. Мы имеем целый ряд публицистических работ в этой области, но нет ни одной работы, показывающей в полной конкретности кризис капитализма, рисующей историю отношений классов, взаимные отношения империалистских держав и их отношение к колониальному миру и к СССР. Достаточно указать, что наши историки даже не пытались дать историю фашизма.

Характерным образцом всех недостатков наших историков, занимающихся послевоенной историей, является работа Серебрянского о послевоенной истории, написанная в ка-

честве третьего тома учебника «Новой истории» Фридлянда, Лукина и других. Автор не умеет, во-первых, показать подоплеку и фон этой истории, а именно неравномерность развития послевоенного капитализма и его загнивание: он дает по главам сведения о состоянии производства, о безработице, но никакого цельного образа, характеризующего эти противоречия, он дать не в состоянии. Читатель не видит роста капиталистической монополии при одновременном суживании мирового рынка, не видит роста техники, не укрепляющего капитализм, а, наоборот, увеличивающего его противоречия; читатель не видит, как одновременно с общим ростом эксплуатации рабочего класса загнивающий капитализм в ряде стран (особенно в Англии и Германии) пытается путем уступок в пользу одной части рабочего класса удержать массы от революции. Поэтому становится непонятным, как могла социал-демократия сохранить влияние на большинство рабочего класса.

Показывая загнивание демократии, парламентаризма, автор не умеет одновременно показать, что, например, веймарская демократия была шагом вперед по сравнению с вильгельмовским режимом и что поэтому несмотря на удары, которые она наносила авангарду пролетариата, вызывая в нем глубокую ненависть, ее поддерживали отсталые массы пролетариата.

Недоценка буржуазной демократии приводит к непониманию того перелома, который означает для широких масс рабочего класса смена хотя бы ублюдочной буржуазной демократии в Германии и Италии фашизмом. Поэтому читателю остается непонятным новое применение Коминтерна на VII всемирном конгрессе тактики единого фронта.

Исходя из схемы, в которой имеют место только пролетариат и крупная буржуазия, автор не может показать роли мелкой буржуазии как союзника пролетариата или как пушечного мяса для фашизма.

Отсутствие конкретного показа методов колониальной эксплуатации, их роли в сохранении капитализма мешает автору дать убедительную картину роли колониального во-

проса. Для характеристики отношения автора к крестьянскому вопросу достаточно указать, что у него в послевоенной истории отсутствует показ попыток создания самостоятельных крестьянских правительств, что, например, история болгарского правительства Стамбульского, имеющая для нас такое громадное показательное значение, не излагается в книге.

Мы подробно остановились на этой работе Серебрянского, ибо она является примером того, что недостаточно на словах отрицать люксембургианство, чтобы дать марксистско-ленинскую историю.

Результаты работы историков-марксистов в области истории ВКП(б), работы, имеющей такое громадное значение не только для нас, но и для всего международного пролетариата, тоже неудовлетворительные. Под влиянием критики товарища Сталина исчезли вылазки троцкистских контрабандистов, устранина отсебятина. Но недостаточно, что наши историки, опираясь на Ленина и Сталина, дают нам в пересказе в общем правильно историю партии. Мы не говорим уже о том, что налицо отрыв истории партии от анализа движения пролетариата, от истории России, и часто кажется, будто история величайшей в мире революционной партии состояла из одних резолюций. Еще важнее то, что в изучении фактов из прошлого нашей партии историки мало подвинулись за пределы уже известного. Как красочно говорит об этом недостатке то обстоятельство, что пришлось взяться за работу секретарю ЦК КП(б) Грузии тов. Берия, человеку, занятому 13 часов в сутки практической работой, чтобы откопать важнейшие документы о роли товарища Сталина в возникновении социал-демократического движения в Закавказье, документы, имеющие громадное историческое значение! А сколько таких документов имеется в архивах!

Только теперь опубликованы материалы о том, как тов. Киров, этот талантливейший большевик, проводил самостоятельно и искусно в 1918 году линию Ленина на Кавказе, зажатый между двумя очагами контрреволюции, применял тактику единого фронта с

мелкобуржуазной демократией. Эта тактическая подвижность Кирова есть образец того, как рано ученики Ленина учились самостоятельно маневрировать в сложной обстановке. Таких образцов в истории партии много, но мы их не знаем.

Дело не в том только, что мы должны знать действительную роль великой когорты ленинских учеников — незачем доказывать политическое значение этого знания, — а в том, что без этого конкретного знания развития борьбы, развития каждого из крупных большевистских вождей (и историю нашей партии делали конкретные люди) история нашей партии выступает не такой богатой мыслью, подвигом, какой она действительно была.

Надо указать на отсутствие даже попыток проследить, как город за городом, область за областью большевики в борьбе с меньшевиками и т. д. завоевывали большинство рабочего класса. Эта сторона истории нашей партии еще не затронута, а ведь без этого не видно, как правильная политика Ленина и Сталина собирала, сплачивала пролетариат вокруг нашей партии.

Наиболее важный шаг вперед в работе наших историков-марксистов в области русской истории и истории ВКП(б) — это первый том «Истории гражданской войны в СССР». Он сделан не только по инициативе, но и под непосредственным руководством товарища Сталина. Эта работа показывает, какое богатство нового материала спит в пыли архивов, сколько нового света этот материал можетбросить даже на самые важные и поэтому самые знакомые страницы нашей истории. Он показывает, сколько может дать коллективная работа под правильным руководством.

2

Неприглядная картина исторического фронта (не зная всех книг, появившихся у нас по истории за последнее время, я упустил, быть может, ряд явлений, которые смягчили бы эту картину) ставит вопрос: что же дальше?

Общий ответ на этот вопрос мы найдем у Фридриха Энгельса в его письме к Конраду Шмидту (5 августа 1890 года):

«Вообще для многих более молодых писателей в Германии слово «материалистический» служит звуком, который применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание жизни есть главным образом введение к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегелианства. В свою историю надо начать изучать съзна́вание. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немного людей серьезно этим занималось. В этом отношении нам нужна массовая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может много создать и отличиться. Вместо этого фразеология исторического материализма (а все можно сделать фразой) служит многим немцам из молодого поколения только для того, чтобы возможно скорее систематически сконструировать свои собственные, относительно весьма небольшие, исторические знания (экономическая история ведь еще в пеленках) и далее храбро двигаться вперед»¹.

Первое, что надо потребовать от наших историков, — это, чтобы они перестали считать марксизм-ленинизм «универсальной отмычкой», чтобы они взялись за разработку всей совокупности исторического материала с той тщательностью, с которой его изучали Маркс, Энгельс, Ленин, с той тщательностью, которой требует от нас Сталин.

Об'ектом работы наших историков должен быть весь историче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 372. Партиздат. 1932 (разрядка моя). — К. Р.).

ский процесс в целом. В известные моменты интересы борьбы против наших классовых врагов могут требовать концентрации сил на определенном участке исторического фронта, но никогда мы не должны забывать, что в мировом масштабе существуют еще почти все исторические уклады и что поэтому большевики могут быть вооружены для решения международных задач, только изучая все исторические уклады, т. е. всю историю.

Изучение это не может быть представлено самотеку. Пролетариат не может решить ни одной своей задачи без общего плана. В данном случае нужен план исторических исследований, разработанный нашими историческими научными учреждениями, и мы должны расставить силы наших историков для выполнения этого плана так же, как мы это делаем для решения всякой другой задачи. Создание такого плана и правильная расстановка наличных подготовленных сил наших историков, подготовка кадров историков под углом зрения выполнения этого плана позволят в продолжение нескольких лет преодолеть недостатки нашего исторического фронта и поднять этот фронт на требуемую высоту.

Но выполнение этой задачи, намечение плана исторических работ и проведение его в жизнь требуют ликвидации того наследства Покровского, которое задержало развитие исторического фронта и способно его задерживать в дальнейшем. Чтобы понять, о чем идет речь, надо дать себе отчет в том, что являлось источником ошибок Покровского.

М. Н. Покровский складывался как историк не в рядах большевистской партии, а в среде левых демократических историков, чувствующих ненаучность дворянско-буржуазной историографии, всей ее философии, роли «героев» в истории вообще, роли государства и царей в частности. Он был демократическим историком, не имеющим понятия о марксизме, а затем примкнул к «легальному марксизму». Опираясь вначале на позитивистскую философию и в даль-

нейшем на марксизм, Покровский, Рожков и другие молодые историки, складывавшиеся в период революции 1905 года и считавшие себя марксистами, противопоставляли суб'ективной истории помещичье-буржуазных историков значение развития общества на основе развития производительных сил. Но Маркса они воспринимали через схему Богданова, а не через диалектику Ленина. Поэтому метод диалектического материализма у них занял так называемый экономический материализм. Дело шло не о другом названии во избежание цензурных трудностей, как пытаются представить это Покровский, а сдержанно, отличающимся от диалектического материализма, от марксизма. Покойный Покровский сам сказал в 1930 году в докладе «Ленинизм и русская история»:

«Вы знаете очень хорошо, что «экономический материализм» — это был цензурный термин для марксизма, такая цензурная наклейка, которой мы пользовались в дни первой революции. Я тогда назвал свою брошюру «Экономический материализм» именно потому, что ни марксизма, ни даже исторического материализма, по всей вероятности, цензура не пропустила бы. Она уже разбиралась в терминах. Почему этот термин был приемлем? Потому, что это — марксизм минус диалектика, т. е. марксизм минус революция (значит дело не в цензурном названии, а в выхолащивании марксизма, в лишении его живой революционной души! — К. Р.). Такая чисто экономическая интерпретация исторического процесса сама по себе приемлема для любого буржуа, и она была приемлема для царской цензуры. При такой постановке марксизм оказался «одним из течений» в объяснении исторического процесса. Есть разные течения, это — одно из течений и больше ничего. Кто прошел через легальный марксизм, тот обычно долго носил на себе след такой установки, известный пережиток, болезненный пережиток этого ненаправленного диалектического, хотя и ма-

териалистического об'яснеия»¹.

Что это был марксизм минус диалектика, видно не только из работы Покровского против Риккертса, написанной в 1904 году, в которой нет и следа марксистской диалектики, а есть следы марксизма, не только из его брошюры об экономическом материализме, написанной в 1906 году, не только из его предисловия к «Новой биологии» Энчмена, написанного уже после Великой пролетарской революции 1917 года, где он усматривает в механическом материализме Энчмена развитие марксизма, но и из того, что Покровский не сумел ни в одной из своих исторических работ освободиться от экономического, механистического материализма, с которым так боролись Маркс, Энгельс и Ленин. Мы покажем это на одном основном вопросе.

В работе «Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия» (напечатана в «Вестнике социалистической академии»), которую он считал теоретическим обобщением своих взглядов и переиздал в сборнике «Марксизм и особенности исторического развития России» (Ленинград. 1925 год), М. Н. Покровский открыто атаковал Энгельса за его борьбу с механистами. Как бы осторожно ни формулировал он свою атаку, она показывает неспособность Покровского понять один из основных вопросов истории, а именно взгляд Маркса — Энгельса на отношение между экономикой и политикой.

«Не только возникновение явлений «идеальной области» обусловлено экономически (Ватерлоо был бы бессмыслицей без англо-французского экономического соперничества), но их последствия хватают лишь так далеко, как позволяют экономические условия.

Все это неоднократно излагал Энгельс в своих других писаниях. Повторяю, он восставал лишь против историко-материалистического педантизма,

который старался отыскать непосредственно экономическое основание для каждой мелочной (!! — К. Р.) исторической перемены, доводя свой собственный метод до абсурда и помогая противникам делать его смешным. К сожалению, дурное настроение от неудачной критики Морица Вирта у Энгельса не проходило и, приблизительно через месяц (письмо от 21 сентября 1890 г.), он разразился настоящей палинодией, где можно прочесть и упрек «молодым» за то, что они «иногда придавали больше значения экономической стороне, чем следует», и даже фразы, которые при беглом чтении могут быть поняты так, что в деле возвышения Пруссии главную роль играли, неэкономические принципы.

Можно опасаться, что письмо Энгельса оказалось большую услугу противникам марксизма, нежели книга Пауля Барта. Энгельс был сильно разгневан на Морица Вирта, а гнев — плохой советчик. Но было бы минимум справедливости прилагать к самому Энгельсу и его высказываниям тот метод, которого он требует от исследователя в применении к сложному комплексу исторических явлений. Нельзя выдергивать отдельное письмо или даже отдельные фразы из письма и утверждать: вот как думал Энгельс. Нужно брать все письмо, — а в нем есть не только то, что нами сейчас отмечено, — и всю совокупность писаний Энгельса на эту тему, — а она совершенно исключает всякую возможность того толкования «не о стопроцентных» фраз письма, которое склонен был бы дать, повторяем, лишь не очень осторожный читатель. Прощел еще месяц, неудача Морица Вирта успела сгладиться в памяти Энгельса, и он (в письме от 27 октября 1890 г.) дает такую великолепную материалистическую характеристику «эпохи открытий», что читать ее — истинное наслаждение после письма от 21 сентября².

Борясь против положения Энгельса, что «если материальные условия су-

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 267—268. Соцэкгиз. 1933 (разрядка моя.—К. Р.).

² М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 169—170 (разрядка моя.—К. Р.).

ществования являются основной причиной, то это не исключает того, что идеальные области могут опять-таки оказывать на материальные условия существования обратное, но второстепенное явление». Покровский доходит до таких «геркулесовых столпов», как недооценка диктатуры пролетариата и советской власти, ибо именно к этому сводится следующая его критика Рожкова; в своих лекциях «Борьба классов и русская историческая литература», читанных в мае 1923 года, Покровский пишет, упрекая Рожкова в том, что он отделяет политический строй от социального:

«Это выделение политического строя на особую ступень, хотя и кажется мелочным, но все же характерно, и особенно оно характерно при свете последних событий, которые сорвали много завес, между прочим, и с этого секрета — связи политического и социального лозунга. В «мирные» времена социальный материк власти действительно скрыт для непосвященного взгляда «под политической надстройкой». Но общественные катастрофы грубо обнажают материк, и мы тогда видим, много ли значат политические формы как таковые. Ну, какую роль играл у нас в 1917 г. лозунг монархии или республики? А лозунг Учредительного собрания? Когда его разогнали, то иные обыватели думали: «Батюшки, что будет — оскорбили народную волю», — а народ даже не почесался. Политический лозунг отступил на задний план, а социальная природа выступила на передний план. Важно было, в чьих руках, в руках какого класса власть, а то, как она организована, — вопрос второстепенный. Это дает ключ к целому ряду явлений, например, к тому, почему одна из самых сознательных буржуазных демократий — английская — мирится и с королем и с палатой лордов. Политический момент есть второстепенный, а у Рожкова он равноправный»¹.

Механистичность и метафизичность

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 94 (разрядка моя). — К. Р.

этого противопоставления экономики как решающей и политики как второстепенной прямо бьют в глаза. Стремление пролетариата России к диктатуре вытекало, понятно, из экономических условий развития России, которые создали монополистический капитализм еще при существовании царской власти как власти полукрепостной; это облегчало союз рабочего класса и крестьянства; экономическое развитие толкнуло царизм на участие в империалистической войне; неспособность же русской буржуазии найти выход из войны, решить вопрос о земле создала благоприятную обстановку для борьбы за диктатуру пролетариата. Но в ноябре 1917 года борьба за диктатуру и завоевание ее пролетариатом совсем не были «второстепенным вопросом», а были решающим вопросом для дальнейшего экономического развития России. В январе 1918 года решение о разгоне Учредительного собрания тоже не было второстепенным вопросом. Вопрос не только о том, в чьих руках находится власть, но и как она организована, оказался вопреки Покровскому не второстепенным, а первостепенным для победы социализма.

Покойный Покровский в последней своей статье «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», пытаясь согласовать свою схему с учением марксизма-ленинизма, признал свою ошибку и в этом капитальном вопросе:

«Наконец, не приходится и этого скрывать, в первых редакциях моей схемы был недостаточно учтен и факт относительной независимости политической надстройки от экономического базиса — позабыты были слова Энгельса: «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Сила (т. е. государственная власть) это есть точно так же экономическое могущество... «Экономический материализм» не был еще мною изжит на все сто процентов, когда я пи-

сали «Русскую историю», и «Очерк истории культуры» и даже «Сжатый очерк». Вы увидите, как мне придется теперь на этих же словах Энгельса настаивать (в другой комбинации их повторяет и Ленин), отставая мою схему в ее окончательном виде.

Свободна ли эта «окончательная» схема от ошибок. Никак не могу этого обещать. Она свободна от тех ошибок, которые я успел заметить и исправить, но могут быть ошибки, которых я еще не заметил¹.

К сожалению, признав эту ошибку, Покровский ударился в другую крайность. В прессе уже цитировалось его сногшибательное открытие, что «при чисто экономическом объяснении, при апелляции исключительно к законам экономики, игнорируя все остальное, нельзя было предсказать того, что действительно случилось — что мы прорвемся к социализму сквозь всякие законы, наперекор узко экономическим законам»². Великая пролетарская революция рождена, таким образом, вопреки всяким законам, тем более узко экономическим законам! Мало того, она должна, по Покровскому, нарушать эти законы и в дальнейшем! «Если диктатура пролетариата не может перевернуть «стихийного» экономического развития, — на что диктатура пролетариата? В конце концов законы экономики возьмут свое», — так излагает Покровский взгляды наших противников. И дальше Покровский говорит: «Энгельс и Ленин нам отвечают: не возьмут свое. Политическая власть, — говорит Энгельс — ... есть тоже экономическая потенция»³.

Покровский не понимает, что диктатура пролетариата есть экономическая потенция потому, что она опирается на мощнейшие экономические интересы, на инте-

ресы большинства населения, что она открывает путь производительным силам, находившимся при царизме в тупике. Говоря, что у нас есть все для развития социализма, что нам только недостает культуры, призывая пролетариат к социалистической переделке крестьянства, Ленин не шел наперекор экономическим законам, а опирался на них. Стalin повел рабочий класс на борьбу за индустриализацию и коллективизацию не на основе просто волевого акта, а на основе глубокого понимания экономических интересов и экономических законов. Когда Покровский говорит, что якобы, по Ленину и Энгельсу, «законы экономики не возьмут свое», то он также не понимает Энгельса и Ленина, как тогда, когда он делал из экономики самодовлеющую силу, действующую непосредственно, без всяких промежуточных звеньев.

При этом он даже не замечает, что повторяет меньшевистские мелодии; ведь его слова напоминают изречение Отто Бауэра, что диктатура пролетариата есть «насилие над социальными факторами силы» — то изречение, которое так высмеял Ленин на II конгрессе Коминтерна.

Он не замечает, что повторяет крики Данов о том, что пятилетка есть попытка перескочить через законы хозяйства. То, что Покровский приветствовал пятилетку, показывает, что он несмотря на свои ошибки был пролетарским революционером, но это ничуть не уменьшает вреда, приносимого путаницей в основных его взглядах на историю.

Мы так подробно остановились на трактовке у Покровского одного из основных исторических вопросов — об отношении экономики и политики, — ибо отсутствие у него марксистской диалектики, марксистских взглядов в ряде основных вопросов не могло не отразиться убийственно на всех его работах несмотря на громадные его знания и незаурядный талант. Его «марксизм» был всегда марксизм минус диалектика, ибо для него, ученика Богданова, гегелевская диалектика, поставленная Марксом с головы на ноги, осталась до конца жизни книгой за семью печатями. Поэтому даже когда

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 289 (разрядка моя). — К. Р.).

² М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 269.

³ Там же, стр. 271.

М. Н. Покровский хотел исправить свои ошибки, он не мог этого сделать, ибо это требовало коренной ломки его мировоззрения, его метода.

Не владея методом марксизма, Покровский не мог дать правильной исторической «схемы» (чего стоит это излюбленное им и его учениками слово!), ибо вместо марксиста учения о формациях он усвоил учение Богданова. Его ошибка в вопросе о роли торгового капитала не была частичной ошибкой,—она вытекала из его немарксистской методологии. Так как об этом вопросе у нас писалось неоднократно, мы можем на нем задержаться очень коротко. В своих лекциях о борьбе классов и русской исторической литературе Покровский поставил пресловутый «торговый капитал» в центре русской истории. Он писал:

«Если вы подойдете с этим ключом к Карамзину, вы не только поймете его «Историю», поймете, почему «торговый капитал», о котором ни слова не говорится в «Истории», вел эту «Историю» к собиранию земли, но вы поймете и физиономию Карамзина, как общественного типа, вы поймете, почему он был сторонником крепостного права, почему он был противником освобождения крестьян: потому что торговый капитал у нас в России создал барщинное хозяйство как средство выжимать из крепостных крестьян прибавочный продукт для рынка. Торговому капиталу необходим был аппарат в виде крепостного права, — торговый капитал был настоящий царь, который стоял за коронованным, в сущности, призраком, или, если хотите, за коронованным манекеном, был настоящей руководящей силой, которая создала и русскую империю и крепостное право»¹.

Поставив в центре своей схемы так называемый торговый капитал как властелина и рассматривая феодально-крепостное правительство как приз-

рак, Покровский, понятно, не мог не запутать всех исторических вопросов. Попытка об'явить эту «схему» в основе ленинской, пожертвовав только словами «торговый капитализм», как он это сделал в предсмертной статье, не могла ничего исправить, а вносила только новую путаницу. Необходимость полной ликвидации этой схемы и восстановления тех вех, которые установил Ленин в своих работах по русской истории, выступает с полной очевидностью при разборе последней попытки Покровского спрятаться за Ленина.

«Та концепция русской истории, — пишет Покровский, — которую я выше назвал марксистской, в основном, конечно, никогда не расходилась с ленинской — иначе был бы совершенно непонятен отзыв Владимира Ильича о «Русской истории в самом сжатом очерке», книге, где в очень популярной — именно поэтому очень заостренной — форме эта концепция изложена. Но совершенно ясно, что в ряде отдельных формулировок, иногда очень важных, старые изложения этой концепции звукали весьма не поленински, а иногда были попросту теоретически малограмматны. Так например безграмотным является выражение «торговый капитал»: капитализм есть система производства, а торговый капитал ничего не производит»².

Попытка Покровского отказаться от ряда формулировок и «безграмотных выражений» не может заслонить того факта, что все его исторические работы пронизаны не марксистскими экономическими понятиями, а экономическими понятиями Богданова. И так же, как Покровский не усвоил марксистского учения об экономических формациях, он не усвоил ленинского учения об империализме. Поэтому его работы по истории внешней политики, несмотря на то что в них использован богатейший материал, чужды ленинизму.

Когда Покровский утверждает в сво-

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 28 (разрядка моя). — К. Р. .

² Там же, стр. 287.

ей работе «Русский империализм в прошлом и настоящем», что «России первой половины XIX в. был знаком империализм в самом подлинном его виде»¹, то это определение не имеет ничего общего даже с теми понятиями об империализме, которые существовали во II интернационале перед войной. Но когда он в 1924 году пишет, что концепции Гильфердинга и Ленина различны в «чрезвычайно существенных деталях», и утверждает, что до прочтения рукописи ленинского «Империализма» он «отрицал империалистический характер войны по Гильфердингу»², то мы видим, что он не понимал в 1915 году войны и по «Гильфердингу», ибо она была и по Гильфердингу империалистической, так же как не понимал в 1925 году, что между ленинской теорией империализма и теорией Гильфердинга разница не в «существенных деталях», а в основе.

Неправильный метод, механистический подход к историческим явлениям — все это, понятно, должно было отразиться очень отрицательно даже на лучших исторических работах Покровского. Покровский был историком громадного знания и блестящего писательского таланта. Достаточно прочесть портреты трех Александров в «Большой советской энциклопедии», чтобы понять, какую красочную, живую историю России мог бы он написать, если бы не был связан по рукам и ногам механистическим методом. Но раз история является просто результатом механически действующих экономических сил, то какой интерес у историка может быть к изображению людей, которые эту историю делали, их чаяний, их чувств, их идеологии — коротко, всего того, что входит в так называемую гражданскую историю? Как тот анекдотический ученик, который на вопрос: «Кто была Екатерина II?», ответил «продукт», — так и наш историк довольствуется тем, что вся

гражданская история есть «продукт торгового капитала».

Исчезает громадная фигура Петра I, помещичьего царя, который в лампадном сиреневом тереме сумел не только сохранить свой острый ум, но и понять значение физического труда, больше того: подняться на неслыханный для царского сына подвиг — учиться этому труду. Наше отношение ни к феодализму вообще, ни к русскому царизму в частности не требовало ни на момент отказа от понимания величины этой исторической фигуры. Покровский же оставил из нее только жестокость и сифилис, так как в его концепции нет места живым людям. Поэтому Ломоносов, Радищев у него появляются как неясные тени на экране, поэтому, посвятив столько труда изучению декабристов, он в них увидел, в конце концов, только еще одну иллюстрацию роли торгового капитала.

«Какие были обективные корни всей этой истории? — спрашивает он. — Тут нам приходится с этих высот (дело идет о заговоре декабристов и их трагической гибели. — К. Р.)... спуститься довольно глубоко к факту чрезвычайно тривиальному. Этим тривиальным фактом, который лежит в основе первой сознательной революции и против самодержавия, какая была в России, первой попытки низвергнуть самодержавие, — этим тривиальным фактом был русский хлебный вывоз»³.

Индустриальный переворот в Англии увеличил хлебный вывоз России, особенно после наполеоновских войн.

«Вывоз пшеницы — и то же самое с рожью и со всеми другими хлебами —рос с катастрофической быстрой. Он в пять раз вырос на протяжении четырех лет... и как раз в эти самые годы начинают расти, как грибы, тайные общества. Два факта, которые нельзя не сблизить между собой»⁴.

¹ М. Н. Покровский «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», стр. 383. Москва. 1924.

² М. Н. Покровский. «Марксизм и особенности исторического развития России», стр. 138—139. 1925.

³ М. Н. Покровский «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.», стр. 14. 1927.

⁴ Там же, стр. 14—15.

Что об этом сказать? Понятно, что декабристы не с неба упали, а рождены историей русского общества, через творческое и денежное хозяйство развивавшегося в феодальной оболочке к капитализму. Русский вывоз хлеба, льна и пеньки, наверное, сыграл свою роль в подготовке движения декабристов. Но в этой подготовке сыграли громадную роль и наполеоновские войны, все то, что русское дворянское офицерство видело в Европе, все то, что оно пережило в годы наполеоновского нашествия и в последующие годы. Между скачком русского вывоза после наполеоновских войн, желанием прогрессивных помещиков создать более благоприятные условия для этого вывоза через ликвидацию крепостного права и восстанием декабристов, наверное, меньше связи чем между обострившейся после победы над Наполеоном аракчеевской реакцией и заговором декабристов. Прогрессивное дворянство лелеяло надежды на реформы после изгнания Наполеона. Эти иллюзии были разбиты, и тогда наиболее чуткие, наиболее отзывчивые из дворянских либералов прибегли к заговору. Известное влияние оказали испанские и греческие события.

Роль экономики и в заговоре декабристов очевидна, но она выражалась через множество посредствующих звеньев. Если из роста вывоза пшеницы и полезности устраниния крепостного права для прогрессивных помещиков так непосредственно вытекало вооруженное восстание, то непонятно, почему этого восстания не подняли прогрессивные помещики в продолжение следующих 30 лет, отделяющих их от крестьянской реформы? Покровский знал это великолепно и говорил в других работах; но там, где он давал простор своему вульгарному механистическому методу, он доходил до несуразностей, компрометирующих марксизм, — их можно найти в сочинениях Покровского сотни. Все они вытекали из механистичности усвоенного им метода, которым были парализованы блестящий талант и большие знания этого историка.

Нашим историкам предстоит ликвидировать наследие Покровского не только через отречение от того или другого его неверного взгляда, а через

глубокое усвоение марксовой диалектики и марксистско-ленинского учения об исторических формациях.

Не случайно Покровский и его ученики не принимали никакого участия в дискуссии на философском фронте, которая касалась основ марксовой диалектики; не случайно «Историк-марксист», главный журнал нашего исторического фронта, даже не считал нужным информировать своих читателей о борьбе на философском фронте. Весь исторический фронт был воспитан Покровским в полном методологическом нигилизме. Теперь дело идет не только об исправлении частичных ошибок, а о марксистско-ленинском философском воспитании наших историков.

Всемирную экономическую историю Покровский заменил схемой, и ликвидация ошибок схемы Покровского здесь не исчерпывает вопроса, а только открывает путь для усвоения марксистско-ленинского учения о формациях и для разработки громадного исторического материала при помощи этого учения.

3

Ближайшая наша задача — выполнить поручение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по составлению учебников, отвечающих марксистскому пониманию истории и той роли, которую играет история как наука в марксистско-ленинском воспитании молодежи. Именно выполняя эту задачу, мы сумеем конкретно нашупать проблемы, над которыми должен работать наш исторический коллектив, наметить новые задачи и составить план их решения.

Мы должны овладеть большим историческим материалом и поднять наш исторический метод к тем высотам, на которые подняли его Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Овладение материалом и методом — неотделимые друг от друга задачи. Овладение методом может быть плодотворно только в непосредственной связи с изучением материала.

Марксистско-ленинский метод мож-

но понять, только изучая работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В том, как Маркс создает свои экономические категории, уясняется метод Маркса не менее чем во вступлении «К критике политической экономии». В том, как Ленин изучает развитие капитализма в России, возникновение империализма или как он анализирует форму, в которой исторически осуществлялось его учение о революционно-демократической диктатуре рабочих и крестьян, — не менее уясняется метод марксистско-ленинской диалектики, чем в его методологических замечаниях о Фейербахе, о диалектике Гегеля.

Изучение методологии Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина невозможно изолировано от изучения всего их наследства. Но это не значит, что не нужно изучение этого наследства, особенно под философским методологическим углом зрения. Покровский писал в 1930 году: «А у нас историческим материализм занимаются кто угодно, но всегда меньше — историки по профессии»¹. Без серьезной разработки проблем диалектического материализма нельзя создать кадров историков, сознательно владеющих марксистско-ленинским методом.

Без глубокого изучения всех работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина нельзя наверстать упущенное нашим историческим фронтом. Метод Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, примененный к совокупности исторического процесса, даст нам громадные новые результаты. Этот метод позволил Сталину не только правильно наметить великий новый этап социалистического наступления, но и выработать тактику, точно учитывающую соотношение сил, и намечать каждое очередное звено, за которое надо было ухватиться пролетариату, чтобы в продолжение нескольких лет привести страну нашу к тем победам, к той мощи, которые позволяют нам сказать, что страна нэ-

повская, какой оставил ее Ленин, превратилась в страну социализма.

Блестящее владение марксистским методом позволило Ленину, как и Сталину, поставить важнейшие исторические вопросы, а правильная постановка вопросов — это ведь и ответ на них! Поэтому так комично звучит теперь то место из речи покойного Покровского на I всесоюзной конференции историков-марксистов, где он спрашивает: «Был ли Ленин специалистом по русской истории?» и отвечает: «Нет, не был»². Покровский больше всего в жизни ненавидел профессоров, но в такой постановке вопроса и в ответе на него — весь старый профессор, как его мать родила. Ленин, автор «Развития капитализма в России», видите ли, — не специалист по русской истории! Ленин был бы величайшим специалистом по русской истории, даже если бы он не написал ни одного специально исторического исследования, ибо все его политические работы пронизаны глубочайшим пониманием всех основных вопросов русской и всеобщей истории. То же самое относится к Сталину. Всякий, кто исторически продумал хотя бы сталинские «Основы ленинизма», может заявить всем профессорам, вместе взятым: вы бились над вопросом о том, самобытна ли история России или она развивалась на основе общих законов человеческой истории; вы запутывались в этом вопросе в продолжение десятилетий. Все ваши ответы сбиваются либо на отрицание своеобразия русской истории либо на отрицание того факта, что Россия развивалась на основе общих законов истории. Сталинский ответ на вопрос, почему в России победил большевизм, является образцом применения марксистско-ленинской диалектики, образцом показа того, как общехistorические законы должны были пробить себе путь в особых условиях русской исторической действительности.

Когда китайская революция и борьба оппозиции поставили ряд принципиальных вопросов по очень мало известной, не разработанной истории Во-

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 348 (разрядка моя). — К. Р.

² Там же, стр. 283.

стока, ответ Сталина на вопрос о соотношении китайского феодализма и роли торгового капитала (ответ, который по существу ликвидировал всю историческую схему Покровского с ее неправильным решением вопроса об отношении торгового капитала к феодализму)¹ был дан Сталиным на основе применения марксистско-ленинского учения об экономических формациях к тому скучному материалу, который был тогда известен. Все дальнейшее изучение китайской истории только подтверждает правильность сталинской постановки вопроса и ответа.

Ленин, лучший ученик Маркса, и Сталин, лучший ученик Ленина, благодаря мастерскому овладению учением основоположников марксизма и его дальнейшему развитию, — в состоянии одновременно и руководить исторической борьбой пролетариата и бросать яркий свет на историческое прошлое человечества, ставя важнейшие вопросы перед «историками-специалистами» (в узком смысле этого слова, т. е. перед людьми, посвящающими свои силы в первую очередь изучению истории).

На основе учения Маркса и Ленина, под руководством Сталина мы должны проде-

лать большую, плодотворную работу, выполняя указания, данные Центральным комитетом партии. Много лет партия, занятая решением основных экономико-политических вопросов, не могла посвятить достаточно внимания работе историков-марксистов. Теперь, когда партия дала основные указания, все историки должны с величайшей энергией взяться за работу, зная, что среди них нет ни одного, который бы в своих работах не совершил тех или других ошибок. Необходима величайшая самокритическая честность каждого работника нашего исторического фронта по отношению к совершенным ошибкам, необходимо понимание того, что партии нужно не голое формальное признание этих ошибок, а овладение марксистско-ленинским методом и разработка при помощи этого метода гор исторического материала, ждающих нас, не тронутых до сего времени рукой историка-марксиста.

Эту работу мы должны проделать дружно, коллективно, совместно, по выработанному плану, исправляя друг друга и учясь у Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — наших руководителей на историческом фронте, как и на всех других фронтах классовой борьбы.

¹ Стalin. Беседа со студентами университета им. Сун Ят-сена 13 мая 1927 года.

